

СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В БАШКИРСКОЙ АССР (1919–1929 ГОДЫ)

*Работа представлена кафедрой Отечественной истории
Бирской государственной социально-педагогической академии.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Р. А. Хазиев*

В статье изучается становление судебной-правовой системы в Башкирской АССР в 1919–1929 гг. Основное внимание уделяется совершенствованию работы нарсудов, организации прокуратуры и функционированию коллегии защитников. Автор считает, что в изучаемый период кардинально не изменился государственный курс партаппарата к жесткому руководству судебной-правовой системой как в Центре, так и на местах.

Ключевые слова: *судебно-правовая система, прокуратура, коллегия защитников, военный коммунизм, нэп.*

V. Zhukov

FORMING AND FUNCTIONING OF THE SOVIET JUDICIARY SYSTEM IN THE BASHKIR ASSR (1919–1929)

The author analyses foundation of governance in Soviet Bashkiriya during the period of “War communism” and the new economic policy in the 1920s. Special attention is paid to the judiciary system, the prosecutor’s office rebuilding and advocacy reorganisation. The author supposes that the system of justice was forced by the class struggle objectives to strengthen the totalitarian power all over the country.

Key words: *judiciary system, prosecutor’s office, advocacy, new economic policy, “War communism”, governance.*

Всестороннее исследование процесса формирования советской судебной-правовой системы в разрезе такого национального регио-

на, как Башкирия, позволяет предметно рассмотреть особенности становления и функционирования на начальном этапе существова-

ния социалистического государства, одного из важнейших институтов новой власти — органов юстиции. Именно они главным образом предопределяли в достаточно далеких от Центра регионах социально-экономическую и политическую жизнедеятельность большевистского государства.

Свершившаяся в 1917 г. революция, положив начало фундаментальным политическим, социально-экономическим и идеологическим изменениям, не могла не затронуть и сложившуюся к тому времени «не пролетарскую» судебно-правовую систему. Повсеместно «царские органы юстиции» заменялись организационно и функционально несовершенными ревтрибуналами и местными судами [1, ст. 50].

С началом Гражданской войны процесс государственно-правового строительства явно приобретает «целесообразную» военному времени форму, означавшую в действительности параллелизм, постоянное «пересечение в работе юрорганов» и бесконечные бюрократические проволочки [2, л. 19–20; л. 27; л. 1]. Впрочем, иного и быть не могло в условиях, когда основная цель деятельности судебно-правовой системы в обстановке «военного коммунизма» сводилась к необходимости сохранить «шаткое положение» большевиков и вместе с тем создать основные институты советской власти [3, с. 163].

Опыт Башреспублики показывает, что в период Гражданской войны региональные структуры Наркомюста, стремясь выполнить возложенные на них задачи «сохранения социалистической законности», достаточно часто сталкивались с пренебрежительным к себе отношением, а порой и откровенным игнорированием «факта существования» Башнаркомюста, особенно со стороны продовольственных органов края. Так, наделенные чрезвычайными полномочиями «наркомпродники» считали Башнаркомюст недостаточно авторитетной и «захудалой» организацией, которая в условиях «битвы за урожай» не воспринималась всерьез и Центральной властью [4, л. 3].

Действительно, Башнаркомюст не был «боевым органом» новой власти, что не позволяло ему должным образом реагировать на яв-

ные нарушения законов. Этому отчасти способствовало и то обстоятельство, что Башнаркомюст, постоянно испытывая кадровый голод, не был укомплектован не только профессиональными кадрами, но и минимально грамотными людьми, которые могли свободно писать и читать. В силу сложившейся критической ситуации приходилось принимать на «пустующие должности чуждый буржуазный элемент», а также привлекать к работе людей, элементарно владеющих грамотой, но не имеющих ничего общего с юстицией [5, л. 24].

Постоянно менялись и руководители Башнаркомюста. За непродолжительный период времени с 21 февраля 1919 г. до начала 1921 г. должность народного комиссара юстиции Башреспублики занимали партвыдвиженцы Ю. Ю. Бикбов, А. С. Кричинский и переброшенный в конце 1920 г. «на юридический фронт работы» Т. Ф. Дмитриев, с трудом представлявший характер и масштабы осуществления «революционной законности» [6, с. 526; 7, л. 4; 8, с. 1].

На начальном этапе Башнаркомюст основное внимание уделял организации народных судов и следственных комиссий. В августе 1919 г. начали действовать первые кантональные военные суды, устроенные по типу полковых судов. Как правило, кантональные военные суды рассматривали гражданские дела и нетяжкие виды преступлений, совершенные личностями, не принадлежащими по занимаемой ими должности к разряду лиц, подсудных революционному трибуналу. Не успев начать работу, в ноябре 1919 г. кантональные военные суды были упразднены и заменены единым нарсудом [9, л. 40]. К концу 1919 г. судебная система Башреспублики находилась в «крайне хаотическом состоянии»: наряду с Ревтрибуналами в кантонах действовали суды разного типа, не имевшие определенного руководства и четкой законодательной базы для своей деятельности.

Центральный аппарат Башнаркомюста являлся исполнительным органом местного военного революционного комитета по делам юстиции, был подотчетен только Башвоенревкому, который непосредственно назначал ко-

миссара юстиции и его заместителя. Прерогативой Башвоенревкома было также утверждение трех членов коллегии, которая действовала под председательством комиссара юстиции Башреспублики. Местным ревкомам и советам запрещалось вмешиваться в дела учреждений, подведомственных местному комиссариату юстиции, но в реальности ситуация была иной.

В кантонах достаточно часто были недовольны «инициативностью» ключевого отдела Башнаркомюста – судоустройства и надзора, который был призван «изыскивать наилучшие способы» судебных доказательств в борьбе с преступностью, организовывать народные суды, революционные трибуналы, следственные комиссии, которым надлежало быть «самостоятельными в проведении правосудия», создавать коллегии обвинителей и защитников, следить за правильным исполнением декретов [10, с. 9]. Местные партийные организации, игнорируя «циркуляры Наркомюста», постоянно вмешивались в работу судов, считая «руководящих партийцев» неподсудными судам Башреспублики. Отдельные партруководители, пользуясь своим положением, откровенно сводили с работниками суда личные счеты. В некоторых кантонах местные партийцы, в пик непослушным «органам Наркомюста» пытались открыть свои «собственные суды» [11, л. 27].

Организационное несовершенство судебной-правовой системы, находившейся в период Гражданской войны на стадии становления, ограничивало возможности не только ведения текущего судопроизводства, но и контроля Башнаркомюста за соблюдением административными учреждениями «социалистической законности». Таким образом, после Октябрьской революции утверждавшаяся в Башкирии (вскоре оказавшейся в эпицентре Гражданской войны) судебная-правовая система отличалась, с одной стороны, ярко выраженным карательным началом, нашедшим подтверждение в массовой организации «чрезвычайных» военно-революционных трибуналов. С другой стороны, одновременно наблюдалось явное «ущемление деятельности юрорганов», преж-

де всего различными партийными структурами и эмиссарами Наркомпрода, присланными в регион заготавливать продовольствие «любыми способами и средствами», вплоть до расстрела «саботажников» [12, л. 40].

Наступление нэпа не только внесло серьезные коррективы в деятельность организованного в феврале 1919 г. Народного комиссариата юстиции Башреспублики, но и способствовало одновременному появлению прокуратуры и адвокатуры, привело к существенной реорганизации всей судебной-правовой системы [13, с. 112]. В целом, в период нэпа республиканские органы юстиции вплоть до начавшихся в ноябре 1929 г. повсеместных кадровых чисток и реорганизации коллегии защитников [14] функционировали в качественно новых условиях рыночно-ориентированного развития народного хозяйства страны.

Введение нэпа, вызвав легальную деятельность частного капитала, во многом предопределило текущую работу Башнаркомюста, который начал отслеживать коммерческие сделки предпринимателей и других участников утверждавшихся в стране новых хозяйственных отношений. Однако несогласованность действий ряда структур, и прежде всего отделов судоустройства, надзора, юрисконсультского и карательного, подтолкнули к созданию в сентябре 1922 г. (под руководством опытного и высокообразованного юриста И. С. Герасимова) единого органа – прокуратуры, объединившей в себе надзорные функции прежних четырех инстанций [15, л. 115]. Очень скоро И. С. Герасимов, нацелив работников прокуратуры на «справедливую и кропотливую деятельность, когда участники бросили вызов прокуратуре», призванной удерживать экономическую политику в заданных партдирективами рамках, поднимает авторитет подчиненного ему органа среди остальных советских учреждений края [16, л. 1].

Одновременно с прокуратурой в сентябре 1922 г. развертывает свою деятельность и государственная адвокатура, начало которой было положено в январе 1919 г., согласно изданному приказу об учреждении «защитников» при уфимском нарсуде и революционном трибуна-

ле в Башреспублике. Однако из-за явного противодействия Башнаркомюста дореволюционным адвокатам, из числа «не лишенных общественного доверия», но идейно «чужеродных элементов совюстиции» [17, л. 11.], защитники так и не смогли превратиться в «коллегию правозаступников», существование которой разрешалось советским государством мартовским 1918 г. декретом о суде [18, ст. 420].

Башнаркомюст, вынужденно соглашаясь с наличием адвокатуры, принципиально настаивал на подчинении коллегии защитников Башглавсуду. Фактическая подконтрольность «защитников» суду обосновывалась «ограждением трудящихся от бешеных гонораров» адвокатов, которым, поначалу не имевшим иных средств к существованию, вменялось оказывать населению бесплатную юридическую помощь ради соблюдения принципа «доступной для масс революционной законности» [19].

Помимо этого, работников Башнаркомюста ставило в крайне трудное положение, особенно в первые годы нэпа, разрешение такой проблемы: каким образом в условиях государственной политики по сдерживанию «частника» обеспечить дальнейший подъем народного хозяйства, но при этом неизбежно защитить «классовые интересы» рабоче-крестьянского населения от посягательств «красных нуворисшей»? Башнаркомюст, безусловно, оставаясь «надежным орудием государства» в ограничении коммерческой деятельности частного капитала, тем не менее не раз критиковался за то, что потворствует суду, который не жестко преследует «предпринимательские элементы» [20].

Достаточно трудно давался «общий надзор» над соблюдением законности периферийным партийно-хозяйственным активом, который всеми силами сопротивлялся и не позволял прокуратуре «возвыситься» над местными управлениями. Конец «извращениям классовой линии» был положен 5 марта 1923 г., когда по инициативе В. М. Молотова было решено принять предложение Верховного суда о необходимости участия представителя судебных органов и прокуратуры на заседаниях парткомиссий по привлечению к суду работников-коммунистов, занимавших ответственные долж-

ности. После вступления в силу данного решения постепенно стало снижаться самоуправство партноменклатуры на местах [21, л. 26].

Под особым контролем (особенно в период пребывания с 1923 г. по 1926 г. на посту наркома юстиции и прокурора Башкирской АССР Дж. Э. Галли) находился вопрос о противодействии разросшимся злоупотреблениям в низовой кооперации, которая, вместо противостояния натиску частных элементов в деревне, ударились в коммерцию [22, л. 139; 23]. Отдельные кооператоры, активно пользовавшиеся возможностями рынка и не желавшие упускать прибыли, попали в поле зрения прокурорских работников, которые вместо «борьбы с кулаками и подкулачниками выявили у кооператоров растраты, укрывательство от налогов, подкуп должностных лиц в хозяйственных учреждениях и местных органах власти, нарушения гражданского законодательства» [24].

Усиление наступления с середины 1920-х гг. на «нэпмановскую буржуазию обострило вопрос о соблюдении принципа партийной принадлежности сотрудников центрального и местного аппаратов Башнаркомюста, а также работников Башглавсуда, где насчитывалось наименьшее число партийцев. Членство в партии стало своеобразным политическим пропуском, позволяющим работать в суде «надежным товарищам». По мере наступления на нэп из социалистического судопроизводства стали последовательно вытесняться работники с «темным» дореволюционным стажем, под любым предлогом избавлялись от «судейских», замеченных в коммерческих связях с «нэпмановскими элементами» [25, л. 15].

Кадровое обновление в судебно-правовой системе республики производилось преимущественно за счет привлечения к работе «политически благонадежных» крестьян в качестве народных заседателей, а нередко и судей в кантонах и волостях Башреспублики. При образовавшейся катастрофической нехватке опытных кадров судебные и прокурорские работники «захлебывались» в текущем делопроизводстве, что «до бесконечности» затягивало рассмотрение даже «не терпящих отлагательства дел» [26, с. 42].

Разобрать «поток обрушившихся дел» при одновременном повышении профессиональных знаний новых работников была призвана организованная в прокуратуре с 1 января 1927 г. система «учета положительных и отрицательных моментов» в деятельности каждого помощника прокурора БАССР для последующего внедрения передового опыта и искоренения выявленных недостатков [27, л. 3]. На оптимизацию деятельности судебной-правовой системы республики было направлено и решение Башкирского Совнаркома от 2 августа 1927 г., которым ликвидировался отдел судоустройства и надзора в Башнаркомюсте. Отныне функции надзора и руководства в отношении народных судов, следователей, коллегии защитников, судебных исполнителей и нотариальных контор возлагались на Башглавсуд [28, л. 32].

На фоне ликвидации частного капитала в сентябре 1929 г. в республике стала набирать обороты кампания борьбы с «извращениями» классово-линии партии в текущей работе органов юстиции. Свертывание нэпа положило начало «кадровым чисткам», которые затрону-

ли наиболее квалифицированных сотрудников суда и прокуратуры, надуманно обвинявшихся в содействии предпринимательскому элементу. В условиях тотального утверждения командно-административной чрезвычайщины от прокуратуры и судебных органов требовалось, безотлагательно применяя всю мощь аппарата системы юстиции, безжалостно карать всех тех, кто открыто выступал против органов партийной власти, проводил диверсии и осуществлял акты насилия против активистов в деревне [29].

Таким образом, спланированная после слома нэпа ситуация обострения классово-борьбы, сопровождаемая на начальном этапе «очищением» органов юстиции от несознательных, а затем в середине 1930-х гг. «окопавшихся» в ней враждебных советской власти элементов, означала не только окончательное подчинение судебной-правовой системы партийному руководству, но и использование всей мощи карательно-административных органов для утверждения тоталитарной политической системы сталинского типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (Далее – СУ РСФСР). 1917. № 4. Ст. 50.
2. ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 63. Л. 19–20; ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 51. Л. 27; ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 106. Л. 1.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 163.
4. ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.
5. ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 66. Л. 24.
6. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: В 4 т. / Авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2003. Т. 2. Ч. 2. С. 526.
7. ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
8. ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 3. Д. 32. Л. 1.
9. ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 51. Л. 40.
10. Советская прокуратура. Сборник документов / Сост.: Метелкина Г. А., Ширяев И. Н.; Отв. ред.: Павлищев К. С., Шишков С. А. М.: Юрид. лит., 1981. С. 9.
11. ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 51. Л. 27.
12. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (Далее – СУ РСФСР). 1917. № 4. Ст. 50.
13. Курицын В. М. Переход к нэпу и революционная законность. М., 1972. С. 112.
14. Красная Башкирия. 1928. 29 августа.
15. ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 2. Л. 115.
16. ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 3. Д. 32. Л. 1.

ЭКОНОМИКА, ПРАВО

17. ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 27. Л. 11.
18. СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
19. Красная Башкирия. 1925. 2 июня.
20. Красная Башкирия. 1925. 3 ноября.
21. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 21. Л. 26.
22. ЦГИА РБ. Ф. 323. Оп. 3. Д. 33. Л. 139.
23. Красная Башкирия. 1926. 5 января.
24. Красная Башкирия. 1929. 8 октября.
25. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 12. Л. 15.
26. Прокуратура Республики Башкортостан: история и современность. – Уфа: Слово, 1996. С. 42.
27. ЦГИА РБ. Ф. 1419. Оп. 2. Д. 46. Л. 3.
28. Там же. Л. 32.
29. Красная Башкирия. 1929. 24 декабря.